

В заключение необходимо отметить, что рецензируемое издание представляет большой интерес не только для лингвистов-финно-угроведов, преподавателей вузов, учителей школ, студентов-филоло-

гов, но и для тех, кто интересуется вопросами современного состояния марийского языка и перспективами его развития, кому дороги судьбы родного языка.

АНАТОЛИИ КУКЛИН (Йошкар-Ола)

<https://doi.org/10.3176/lu.1990.2.13>

А. Н. Ракин, Краткий коми-русский, русско-коми ботанический словарь, Сыктывкар 1989. 88 с.

Выход в свет лингвистического словаря — всегда событие и это вдвойне событие, если словарь оригинален благодаря представленной в нем лексике. Рецензируемое издание, бесспорно, относится к разряду нетрадиционных лексикографических трудов не только в рамках советского финно-угроведения, но и в масштабах отечественной лексикографии.

Несомненная научная ценность словаря состоит в том, что в нем, кроме общепотребительной, широко представлена коми диалектная ботаническая лексика, основная масса которой остается за пределами типовых словарей, рассчитанных на читателя-неспециалиста. Словарь А. Н. Ракина включает ботанические названия, бытующие в верхневьегодском, верхнесьольском, вымском, ижемском, лузском, летском, лузско-летском, нижневьегодском, печорском, присыктывкарском, среднесьольском и удорском диалектах коми языка. В процессе накопления и систематизации материала автором были обследованы все доступные печатные и рукописные источники лингвистического и ботанического профилей, архивные отчеты о полевых экспедициях, а также совершен ряд диалектологических поездок с целью сбора флористической лексики.

Основной массив словника составляют наименования дикорастущих (напр. **лишайник из рой, пу рой; васёд выв турун** осока шаровидная) и культурных (напр. **быдтан ёмидз садовая малина; рожь озимая озим рудзёг**) растений. Представлены в нем и наименования частей и органов растений (напр. **ствол ствол, гум; кор лист, ботва, кожура; корень вууж**), обозначения процессов, связанных с жизнедеятельностью растений (напр. **разбухание польдём, польдчём; дзоридз пызь лэбзьём** опыление; соко-

движение березы зарава виялан кад), наименования свойств растений (напр. **курчавость листьев коръяслён читкыльтчём; посньэд вотёса мелкоягодный, мелкоплодный; низкорослый ляк, лякыд**), обозначения ботанико-ландшафтных объектов (напр. **ботанический сад ботанической сад; вчётём видз естественный луг**). В словарь вошла наиболее употребительная научная ботаническая лексика (напр. **геоботаника, морфология растений быдмёгъяслысь формасё, тэчасногсё тёдём; популяция**), а также лексика земледельческая (напр. **агрохимия; влажность ульмун, улисмун, васёдлун; почва почва, му, мусин, под**).

При создании двуязычного симметричного (в настоящем случае — коми-русского и русско-коми) словаря одной из самых трудных задач является установление пропорций между первой и второй частями. Поскольку лексический состав каждого языка уникален, зеркальное соотношение обеих частей принципиально исключено. Это обстоятельство диктует необходимость поиска критериев отбора лексики для каждой из частей. В предисловии к словарю (с. 3—4) не указано, какими критериями отбора руководствовался его автор, однако из анализа словника явствует, что в коми-русской части доминирует диалектная и собственно флористическая лексика, тогда как в русско-коми части значительное место отведено лексике научной и земледельческой. Такое решение представляется обоснованным. Желательно лишь, чтобы при переиздании словаря подобные критерии нашли обоснование и эксплицитное выражение, а также более последовательную реализацию. В рецензируемом словаре такая последовательность соблюдается не всегда. Так, термин *популяция* правомерно опущен в коми-русской части (по-

коми он пишется так же), однако наименование того же ряда **мусин карта почвенная карта** выступает в обеих частях. Логичнее последнее обозначение поместить лишь в русско-коми части. Словарь заметно выиграл бы, если бы русскоязычная лексика была снабжена в нем акцентуацией.

Весьма важным представляется при переиздании введение в словарь соответствующих латинских терминологических обозначений. Это существенно поднимет научный уровень издания и расширит его научное применение как в отечественной, так и в зарубежной читательской аудитории.

Украшением рецензируемого словаря является наличие в нем со вкусом оформ-

ленных 32 цветных иллюстраций. Хотелось бы, однако, чтобы в новом издании словаря отбор иллюстраций предварил однозначно сформулированный принцип.

Выход в свет словаря А. Н. Ракина — заметное общекультурное событие. Словарь обогащает наши представления о мире растений, который под натиском индустриальной цивилизации несет тяжелые потери, что с неизбежностью наносит урон и ботанической лексике. Собрав и систематизировав флористические наименования, А. Н. Ракин сохранил для науки и культуры неброскую, но уникальную часть словарного состава коми и русского языков.

Г. И. ТИРАСПОЛЬСКИЙ
(Сыктывкар)

С. А. Олеск, Теория и практика поэтической культуры Эстонии (1878—1917), Таллинн 1989.

Am 28. Mai 1989 verteidigte die wissenschaftliche Sekretärin des Literaturmuseums «Friedrich Reinhold Kreutzwald» Sirje Olesk vor dem wissenschaftlichen Rat der Universität Tartu ihre interessante und inhaltsreiche Dissertation «Theorie und Praxis in der poetischen Kultur Estlands (1878—1917)». Als offizielle Opponenten fungierten Professor Dr. phil. K. Muru von der Universität Tartu und Cand. phil. K. Leht. Diese tiefgründige Forschung wurde sowohl von den Opponenten als auch vom wissenschaftlichen Rat anerkennend eingeschätzt und der Verfasserin der wissenschaftlichen Grad eines Kandidaten der Philologie zugesprochen.

Obwohl der Unterzeichnete kein Literatur-, sondern Sprachwissenschaftler ist, möchte er diese Untersuchung kurz besprechen. Neben anderen Problemen hat S. Olesk auch die Kultur und Entwicklung der estnischen Literatursprache analysiert und für so manchen Leser der vorliegenden Zeitschrift könnte der behandelte Themenkreis von Interesse sein.

Gegenstand des ersten Kapitels der Arbeit (S. 9—59) ist die Entwicklung poetisch-theoretischer Standpunkte in der estnischen Literatur und Sprachkultur der Jahre 1875—1900. Hervorhebung findet das

Schaffen von Friedrich Reinhold Kreutzwald und Lydia Koidula sowie von einigen anderen Autoren und Forschern während der Periode der Entfaltung der estnischen Schriftsprache und Poetik. Gründlich analysiert werden die Werke von Karl August Hermann und Ado Grenzstein, die neue Grundlagen für die weitere Entwicklung der estnischen Schriftsprache sowie für die Stilistik und Theorie der Poesie propagierten. Die Dichtersprache sollte durch neue Suffixe ergänzt werden. Die Verfasserin der Dissertation setzt sich kritisch mit den damals geäußerten Ansichten auseinander und zeigt wie verschiedenartig die Ideen der Poesie aufgefaßt worden waren. Auf welche Weise sich das Estnische lexikalisch und morphologisch in der Literatur, vor allem in der Poesie veränderte, wird von S. Olesk eingehend dargelegt.

Im Mittelpunkt des zweiten Kapitels (S. 60—82) stehen die Neuerungen in der estnischen Poesie während der Periode 1875—1905, die ausführlich analysiert werden. Vorrangig sind poetische Werke von Mihkel Veske, Ado Reinwald, Karl Eduard Sööt u. a. einbezogen worden.

Ein allseitiger Überblick zur Entwicklung poetisch-theoretischer Gedanken der Jahre 1901—1907 wird im dritten Kapitel